

ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

I.

11 Января 1901 г. была тридцать-шестая годовщина смерти графа Арсенія Андреевича Закревскаго. Бумаги покойнаго я имѣлъ счастье поднести въ началѣ 1889 года въ Бозѣ почившему государю императору Александру III, которому благоугодно было благосклонно ихъ принять и возложить разсмотрѣніе сихъ бумагъ на председателя Императорскаго Русскаго Историческаго Общества А. А. Половцева съ тѣмъ, чтобы тѣ изъ нихъ, которыя представляютъ интересъ и не появлялись еще въ печати, были помѣщены на страницахъ сборника сего общества. Согласно сему, подъ редакціею члена общества, Н. Θ. Дубровина, были изданы, въ двухъ томахъ этого Сборника*), бумаги графа А. А. Закревскаго. Въ извѣстномъ сочиненіи Н. К. Шплъдера Императоръ Александръ Первый, его жизнь и царствованіе, я съ сердечнымъ успокоеніемъ удостовѣрлся, что почтенный историкъ воспользовался этими бумагами и помянулъ добрымъ словомъ покойнаго графа.

Съ самой смерти графа А. А. Закревскаго я считалъ своей обязанностью написать полную и обстоятельную его біографію. Нѣтъ, нѣтъ появившіяся въ печати нареканія на его дѣятельность были для меня всегда горькимъ укоромъ совѣсти. Нѣсколько разъ принимался я за предположенный трудъ, но всегда онъ оказывался мнѣ не по силамъ. Графъ А. А. Закревскій, по своему положенію, не былъ величinhoй перваго разряда; но въ своей многолѣтней службѣ онъ участвовалъ въ важныхъ событіяхъ отечественной исторіи, соприкасался съ историческими личностями и, чтобы говорить подробно, обстоятельно и вѣрно о немъ, требовалось выяснитъ точно также вѣрно и среду, въ которой онъ дѣйствовалъ, и тѣхъ лицъ, съ которыми онъ дѣйствовалъ. Вотъ это-то и было для меня непосильно, особенно при моей постоянной жизни въ деревнѣ, а также при постоянныхъ занятіяхъ по службѣ и по хозяйству. А время шло. Пришла и старость. Для насъ стариковъ настоящее тускло, таинственность завтрашняго дня скорѣе мрачна;

*) Томаы 73 и 78-й.

одно лишь прошлое, съ годами, все болѣе свѣтлѣеть. Невольно утѣшаешься записываніемъ этого прошлаго и тѣмъ, какъ будто снова переживаешь его. Будутъ ли мои воспоминанія напечатаны при мнѣ? И если нѣтъ, то что съ ними будетъ, когда меня самого не будетъ? Это вопросы, разрѣшеніе которыхъ отъ меня не зависить. Вотъ я и рѣшился, не откладывая далѣе и не ища лучшаго пути и способа, выдѣлать изъ моихъ воспоминаній все то, что относится до графа Закревскаго и напечатать это при себѣ. Такимъ путемъ составитсѣ своего рода біографическій очеркъ, который, надѣюсь, дастъ о покойномъ вѣрное понятіе. Если, при этомъ, мое личное я невольно будетъ, пожалуй слишкомъ, проявляться: да простятъ это мнѣ-старіку.

Въ краткой біографической замѣткѣ о покойномъ графѣ А. А. Закревскомъ, напечатанной въ видѣ предисловія къ первому тому его бумагъ, я, съ полной точностью и небольшими поясненіями, изложилъ весь его формулярный списокъ. Повторять его не буду. Въ этой же замѣткѣ упомянуто мною, что въ 1852 г. я сблизился съ графомъ Закревскимъ вслѣдствіе того, что, по выбору самого графа, былъ назначенъ временнымъ его секретаремъ. Только съ этого времени и начинаю мои о немъ воспоминанія. Начавшееся въ серединѣ 1852 г. сближеніе усилилось и разнообразилось при дальнѣйшей моей службѣ вплоть до моей отставки, т. е. до начала 1859 г., что дало мнѣ полную возможность понять графа, какъ начальника и служебнаго дѣятеля. Женившись же на его дочери, я узналъ его какъ человѣка, по постоянной съ нимъ перепискѣ, всего же болѣе въ откровенныхъ съ нимъ бесѣдахъ, когда, для свиданія съ нами, въ 1862 и 1864 годахъ, онъ пріѣзжалъ за границу. Знакомство съ начальникомъ по службѣ, какъ бы близко оно ни было, всегда грѣшитъ нѣкоторой неполнотой; при служебныхъ отношеніяхъ, за официальной маской начальника, только проглядываетъ самъ человѣкъ; при частной же совместной жизни онъ весь налицо. Мнѣ довелось знать графа Закревскаго вполне и со всѣхъ сторонъ. Несомнѣнно, частная его жизнь интересна, только какъ дополненіе его служебной дѣятельности. Начну съ нея разсказомъ, какъ я попалъ изъ канцеляріи въ чинovníки особыхъ порученій. Хотя такимъ образомъ на первомъ планѣ будетъ мое я, но въ моей карьерѣ отразились служебные порядки Московскаго генераль-губернаторскаго управленія пятидесятихъ годовъ, и тѣмъ самымъ выяснится и личность самого генераль-губернатора.

Я поступилъ на службу въ Москву въ Іюль 1850 г. не охотно, а по настоящему приказанію покойнаго моего отца. Желаніе же мое было остаться въ Петербургѣ, гдѣ я воспитывался въ Император-

скомъ Александровскомъ Лицеѣ и гдѣ опредѣлился на службу почти всѣ мои товарищи по выпуску того же 1850 г. Въ Москвѣ, черезъ довольно многочисленныхъ родныхъ, находившихся въ разнообразномъ общественномъ положеніи, я попалъ въ такой кругъ знакомства, въ которомъ слышалъ или открыто, или чуть не на ухо, нареканія и насмѣшки надъ самовластіемъ и царскими замашками генераль-губернатора, въ канцелярію котораго я былъ зачисленъ сверхъ штата. Въ самой канцеляріи, въ которой я работалъ усердно, поознакомившись, слышалъ я тоже самое. Помню одно сказаніе, приписанное князю Меншикову и ходившее тогда въ Московскомъ обществѣ, а именно: что святая Москва, съ назначеніемъ генераль-губернаторомъ графа Закревскаго, была произведена въ великомученицы. Въ Лицеѣ, да и во всѣхъ Петербургскихъ учебныхъ закрытыхъ заведеніяхъ, въ сороковыхъ годахъ, подъ покровомъ строгой, наружной дисциплины, царило, если такъ можно выразиться, скрытое, антиправительственное направленіе. Оно высказывалось въ анекдотахъ, остротахъ, стихахъ, разумѣется только устно, но широко распространенныхъ и невѣдомо откуда появившихся. Въ нашемъ лицейскомъ курсѣ еще была развита охота дополнять официально получаемое знаніе чтеніемъ, посторонними уроками, однимъ словомъ самостоятельно. (Сошлюсь на одного моего товарища, который занимался Восточными языками, и на цѣлую группу, которая по Воскресеніямъ ходила къ нашему же профессору Англійской литературы Шо (Shaw) читать Шекспира).

Въ канцеляріи генераль-губернатора въ началѣ я только переписывалъ бумаги. У меня былъ хорошій почеркъ, и мой столоначальникъ Дмитрій Николаевичъ Прохоровъ, большой острякъ, поздравилъ меня, что я такъ быстро перешелъ на министерскія бумаги.

Вполнѣ понятно, что служба въ канцеляріи не могла мнѣ понравиться и что я мечталъ о перемѣнѣ ея. Въ Декабрѣ 1850 года я былъ назначенъ въ число канцелярскихъ чиновниковъ, дежурящихъ при генераль-губернаторѣ. Такихъ дежурныхъ было всегда 7—8 человекъ. Дежурство начиналось въ 8 ч. утра и оканчивалось часто около полуночи. Дежурный адъютантъ являлся часомъ позднѣе утромъ, а вечеромъ очень часто появлялся только въ 9 ч. и за симъ отпускаясь; канцелярскій же чиновникъ безотлучно находился весь день, и на обязанности его лежало не только замѣнять адъютанта и принимать всякіе конверты на имя генераль-губернатора, но распечатывать всѣ бумаги изъ Московскихъ учреждений, докладывать графу ихъ содержаніе и писать на нихъ его резолюціи. Въ началѣ моихъ дежурствъ, я былъ удивленъ терпѣніемъ моего начальника, грозы Москвы, при моихъ пер-

выхъ докладахъ; а потомъ, когда попривыкъ, его ласковостью и простотой.

Графъ вставалъ всегда въ 6 ч. утра и до 8 занимался своими имѣніями и своей частной перепиской; въ 8 часовъ онъ выходилъ въ пріемную и ходилъ по ней минутъ двадцать. Обыкновенно тогда никого кромѣ дежурнаго канцелярскаго чиновника не бывало, и онъ съ нимъ вступалъ запросто въ разговоръ. Любилъ онъ спорить, а даже иногда очень тонко, но благодушно, подсмѣивался. Благодаря дежурствамъ, я перемѣнилъ мое мнѣніе о моемъ начальникѣ и даже полюбилъ его; но еще болѣе во время моего секретарства при немъ лѣтомъ 1852 года, въ Подмосковномъ его имѣніи Ивановскомъ. Тутъ я положительно былъ имъ очарованъ: его добротой, участіемъ и, наконецъ, довѣріемъ. При такомъ отношеніи я просто съ любовью работалъ. Часто вечеромъ графъ отнималъ у меня бумагу и отправлялъ меня гулять, увѣряя меня, что успѣю завтра все сдѣлать, а въ такой чудный вечеръ грѣхъ сидѣть за бумагами.

Однако я еще болѣе прежняго думалъ о перемѣнѣ службы. Тетушки, кузины подсмѣивались надо мной, что я попалъ ко двору, проникъ въ пріимную его сферу, иронически поздравляли меня съ обезпеченной карьерой; но это не имѣло на меня никакого вліянія. Я отшучивался, и больше ничего. Дѣло было серьезнѣе. Я влюбился въ дочь моего начальника, графиню Нессельроде, жившую у отца. У кого не было въ молодости сердечныхъ друзей и таковыхъ же разговоровъ съ ними? Вотъ эти-то разговоры выяснили мнѣ всю безцѣльность моего чувства. Я старался удалиться отъ двора, но это было довольно трудно: дежурства, кое-какія порученія, приглашенія часто приводили меня на дамскую половину генералъ-губернаторскаго дома. Сдѣлался я домашнимъ человѣкомъ, и мнѣ уже не было почти возможности перестать быть таковымъ.

Необходимо было принять крутую мѣру, и въ зиму 1852—1853 г.г. я взялъ отпускъ и уѣхалъ на родину, въ Смоленскъ на дворянскіе выборы. Тогда выборы продолжались долго, а еще дольше—сопровождавшее ихъ веселіе. Бывшимъ губернскимъ предводителемъ и снова избраннымъ былъ дальній родственникъ моего отца, князь Михаилъ Васильевичъ Друцкой-Соколинскій. Онъ былъ вдовый и небогатый человѣкъ; но въ городѣ было много дворянскихъ домовъ, въ которыхъ обѣды и вечера чередовались чуть не каждый день.

Кстати о князѣ Михаилѣ Васильевичѣ. Какъ-то разъ при мнѣ онъ высказалъ моему отцу, что находится въ затрудненіи. Онъ предвидѣлъ,

что на предварительныхъ засѣданіяхъ передъ выборами (которые, къ слову сказать, продолжались чуть не двѣ недѣли, даже долѣе) будутъ возбуждены какія-нибудь ходатайства; между тѣмъ имъ получено высочайшее запрещеніе Смоленскому дворянству ссылаться въ своихъ ходатайствахъ на потери, понесенныя дворянствомъ во время отечественной войны 1812 г. Какъ объявить это повелѣніе: прямо, или при случаѣ; всему ли дворянскому собранію, или только собранію предводителей и депутатовъ? Какъ именно было объявлено это высочайшее повелѣніе, не помню; да тогда я на такого рода дѣла мало обращалъ вниманія.

Каждое утро я бывалъ въ дворянскомъ собраніи, но болѣе на хорахъ. Смоленское веселіе меня очень разсѣяло, и я зажилъ въ Смоленскѣ. Тутъ я сдѣлалъ большую ошибку. Мнѣ бы слѣдовало просить объ отсрочкѣ; вмѣсто того я явился въ Москву около половины Марта къ моему непосредственному начальнику, управлявшему канцеляріей, Ѳеодору Петровичу Корнилову и представилъ свидѣтельство о болѣзни. Ѳеодоръ Петровичъ былъ прекрасный работникъ и добрый человѣкъ. Онъ принялъ меня съ нѣкоторой грустью и высказалъ мнѣ, что графъ очень недоволенъ, что я безъ вѣсти пропасть. Въ тотъ же день мнѣ была объявлена резолюція генераль-губернатора: подвергнуть меня аресту при канцеляріи на двѣ недѣли. Всѣмъ, полагаю, извѣстно, что въ былыя времена, въ наказаніе, снимали сапоги съ мелкихъ канцелярскихъ чиновниковъ, и тѣмъ обезпечивалось ихъ пребываніе въ мѣстѣ служенія. Вотъ эта старинная мѣра служила благодарной почвой для всякихъ шутокъ моимъ канцелярскимъ друзьямъ въ разговорѣ со мной. Впрочемъ, не могу пожаловаться: товарищи по службѣ и по Лицею, а также близкіе знакомые навѣщали меня вечерами, приносили съ собою всякія яства, и мы чаевали довольно весело.

Въ началѣ моего ареста графиня Нессельроде пригласила меня вечеромъ къ себѣ пить чай; но я наотрѣзъ отказался въ виду опасности, не для меня одного, если начальство узнаетъ, что я нарушилъ мой арестъ: графъ не шутилъ, когда его приказанія не исполнялись. 23 Марта, день именинъ графини, мнѣ было объявлено освобожденіе. Наказаніе было сбавлено почти на половину; не столько оно, сколько прощеніе по случаю семейнаго праздника моего начальника, меня глубоко оскорбило, и я рѣшилъ немедленно перейти на службу въ другое мѣсто. Такое рѣшеніе было и съ точки зрѣнія чисто-служебной вполне разумно: я уже служилъ почти три года въ канцеляріи генераль-губернатора и оставался все тѣмъ же сверхштатнымъ чиновникомъ; а по многочисленности служащихъ при графѣ, мало было надежды

на получение штатной должности. Между тѣмъ, благодаря одному процессу, состояніе моихъ родителей находилось въ затруднительномъ положеніи, и надо было стараться уменьшить ихъ расходы на меня. Въ числѣ моихъ Московскихъ родственниковъ былъ Касторъ Никифоровичъ Лебедевъ, женатый на Боборыкиной (моя мать также рожденная Боборыкина), занимавшій должность оберъ-прокурора одного изъ отдѣленій 6-го департамента Сената. (Часть Сената была тогда въ Москвѣ). Я часто его посѣщалъ, и онъ не разъ уговаривалъ меня перейти къ нему на службу, выставляя всю независимость самой работы въ ней. Я обратился къ нему; но тутъ, къ моему крайнему удивленію, я встрѣтилъ затрудненія къ немедленному исполненію моего желанія. Касторъ Никифоровичъ призналъ, что, въ виду исключительнаго расположенія тогдашняго министра юстиціи графа Панина къ воспитанникамъ Училища Правовѣдѣнія, хорошо бы было для дальнѣйшей успѣшности моей службы въ Сенатѣ мнѣ получить рекомендацію къ министру отъ принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, котораго именно въ это лѣто ожидали въ Москву. Принцъ былъ попечителемъ Лицея, который онъ посѣщалъ очень часто; онъ зналъ всѣхъ воспитанниковъ, и я имѣлъ полное основаніе надѣяться, что онъ не откажетъ въ моей просьбѣ. Дѣйствительно, онъ очень ласково меня принялъ и съ большимъ участіемъ обѣщалъ свою помощь, но не сейчасъ, такъ какъ онъ изъ Москвы ѣхалъ въ свои имѣнія и еще куда-то и долженъ былъ вернуться въ Петербургъ только осенью. Еще весною 1853 года, по совѣту К. Н. Лебедева, я перешелъ въ канцелярію изъ распорядительнаго отдѣленія въ уголовное. Дѣйствительно, занятія въ семъ послѣднемъ могли служить прекрасной подготовкой къ службѣ въ Сенатѣ. Тогда рѣшенія Московской Уголовной Палаты утверждались генераль-губернаторомъ, который писалъ на нихъ свое согласіе или несогласіе. По каждому уголовному дѣлу составлялась однимъ изъ чиновниковъ отдѣленія краткая записка съ заключеніемъ о правильности или неправильности рѣшенія. Если начальникъ отдѣленія, Яковъ Александровичъ Бояркинъ, соглашался съ заключеніемъ записки, она въ подлинникѣ докладывалась генераль-губернатору, и на основаніи его резолюціи, на другой же день, представлялся ему подлинный протоколъ Палаты съ заготовленной надписью, которую онъ подписывалъ. По сообщенію Я. А. Бояркина, мои записки были замѣчены графомъ и всегда одобрялись имъ. Вообще занятія мои въ уголовномъ отдѣленіи шли успѣшно и мнѣ понравились.

Лѣтомъ того же 1853 г. я былъ прикомандированъ отъ генераль-губернатора въ комитетъ Всероссийской выставки, бывшей то-

гда въ Москвѣ. Разнородныя порученія и сообщенія по выставкѣ меня нерѣдко приводили къ личнымъ отношеніямъ съ генераль-губернаторомъ. Вскорѣ послѣ ея закрытія я былъ переведенъ въ чпновники особыхъ порученій. Мало-по-малу я увлекся служебной и свѣтской жизнью и совершенно забылъ о моей просьбѣ принцу Ольденбургскому; да и у К. Н. Лебедева рѣдко бывалъ.

Весной 1854 г. я былъ приглашенъ къ ген.-губернатору, что бывало довольно часто, и я тому не придавалъ никакого значенія. Входя въ кабинетъ графа, я былъ пораженъ строгимъ выраженіемъ его лица, къ которому не привыкъ. «Отчего вы недовольны мною и службой у меня?», сказалъ онъ, пристально глядя на меня. «Вполнѣ доволенъ», отвѣчалъ я удивленно. «Прочтите», возразилъ графъ, передавая мнѣ бумагу, въ которой оказался запросъ министра юстиціи о моемъ переводѣ въ канцелярію 6-го департамента Сената. Я рассказалъ графу, что годъ тому назадъ, не имѣя штатной должности, я былъ вынужденъ искать другого мѣста и обратился къ принцу Ольденбургскому; но теперь желалъ бы остаться при немъ. Графъ слушалъ меня со вниманіемъ и когда я кончилъ, немного помолчавъ, сказалъ: «Возьмите съ собой эту бумагу, подумайте хорошенько и завтра принесите мнѣ письменное ваше заявленіе». Я возразилъ, что тотчасъ же напишу; но онъ уже съ добродушной улыбкой сказалъ: «Вы молоды, а сгоряча нѣкогда не надо ни на что рѣшаться; завтра поговоримъ». На другой день, когда я ему представилъ мое заявленіе, никакого разговора не было, и графъ довольно сухо сказалъ мнѣ только: «Надѣюсь, вы не раскаетесь, что остались на службѣ у меня». Сухость тона меня покорила; но я не могъ не сознаться, что поступилъ опрометчиво, не предупредивъ тѣмъ или другимъ путемъ запроса министра юстиціи.

Служебныя отношенія однако не пострадали: графъ относился ко мнѣ, какъ и прежде, благосклонно. Вскорѣ я былъ назначенъ вторымъ опекуномъ надъ личностью и имѣніями графа Дмитріева-Мамонова (первымъ же и главнымъ былъ мой бывшій непосредственный начальникъ Ѳедоръ Петровичъ Корниловъ). Эта высочайше учрежденная опека была цѣлымъ управленіемъ, находившимся собственно въ вѣдѣніи самого Московскаго генераль-губернатора. Графъ Мамоновъ былъ преинтересная и крайне оригинальная личность, и на мнѣ, какъ второму опекунѣ, лежала обязанность заботиться о томъ, чтобы онъ былъ доволенъ своей жизнью, что, разумѣется, дало мнѣ возможность близко его узнать. Надѣюсь, мнѣ удастся когда нибудь написать подробно о немъ. Здѣсь скажу только, что, благодаря этой опекѣ, я могъ жить даже хорошо, не нуждаясь въ помощи родителей.

Графъ Закревскій былъ вообще привѣтливъ, внимателенъ и доступенъ ко всѣмъ служащимъ при немъ, но особенно къ тѣмъ изъ чиновниковъ особыхъ порученій военныхъ и гражданскихъ, съ которыми по службѣ часто видался. Вспыльчивый по природѣ, онъ умѣлъ владѣть собою и, только когда считалъ это нужнымъ, давалъ волю своему гнѣву. Во всю мою службу при немъ я никогда не слыхалъ ни отъ кого изъ моихъ товарищей, чтобы онъ кому-либо изъ нихъ наговорилъ дерзости. При недовольствѣ, что бывало, онъ дѣлалъ краткое замѣчаніе и отпускалъ со словами: «Хорошо-съ, ступайте». «Ты» говорилъ онъ только своимъ любимцамъ, которыхъ было человѣка три; но со всѣми всегда «вы». Личное его помѣщеніе состояло изъ столовой, пріемной, кабинета и спальни. Около столовой былъ буфетъ, въ которомъ дежурные завтракали и всѣ пріѣзжавшіе курили. Случалось во время доклада начальниковъ отдѣленій канцеляріи, продолжавшагося всегда довольно долго, что всѣ изъ пріемной перебирались въ буфетъ, гдѣ собиралось многочисленное общество, которое иногда забывало въ оживленномъ разговорѣ, что, въ случаѣ пріѣзда кого-либо въ пустую пріемную или выхода самого графа, окажется безпорядокъ, котораго хозяинъ не любилъ. Не разъ бывало, что стукомъ въ дверь самъ графъ прекращалъ буфетныя засѣданія. Душою ихъ, въ литературномъ, такъ сказать, отношеніи, былъ чиновникъ особыхъ порученій, Михаилъ Николаевичъ Лонгиновъ, носившій въ товарищескомъ кругу прозвище «чернокнижника». Онъ пользовался довѣріемъ графа, исполнялъ много порученій и часто бывалъ по утрамъ въ пріемной. Съ его появленіемъ буфетныя засѣданія принимали особый характеръ: анекдоты и остроты, преимущественно историческіе, экспромты шуточныхъ стихотвореній такъ и сыпались у него неистощимо и, разумѣется, возбуждали всеобщій хохотъ. Смѣхъ самого Михаила Николаевича былъ громкій, раскатистый, какой-то особенный. Актеръ Живокинъ не разъ рассказывалъ, что онъ всегда со сцены узнавалъ по этому смѣху присутствіе Лонгинова въ партерѣ, какъ бы силенъ ни былъ всеобщій хохотъ, и это его подбадривало. Не на немъ одномъ однако основывалось буфетное веселіе. Многіе въ немъ принимали дѣятельное участіе; всего же болѣе оно проявлялось, когда дежурнымъ былъ любимецъ товарищей, а также и самого графа, адъютантъ его князь Артемій Давыдовичъ Абаменекъ. Пресимпатичная это была личность. Сердечный, въ высшей степени правдивый, онъ нисколько не стѣснялся говорить всѣмъ правду въ глаза, въ томъ числѣ и самому графу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, веселый, забавный, остроумный, онъ обладалъ замѣчательною способностью вѣрно всѣхъ передразнивать. Помню, какъ-то, въ Ивановскомъ, послѣ долгихъ упрасиваній бывшихъ тамъ товари-

щей, а также и графа, Абамелекъ при немъ представлялъ его. Графъ хохоталъ до слезъ, но чистосердечно сознался, что изображеніе вѣрно. Еще у Абамелека была пристрастная особенность быть пьяну не пивши ни капли вина. Въ пирушкахъ, бывавшихъ тогда, по разнымъ поводамъ, между служащими въ генераль-губернаторскомъ управленіи, часто участвовалъ Цыганскій хоръ. Въ такихъ случаяхъ дѣло оканчивалось обыкновенно полнымъ опьяненіемъ Абамелека. Цыганское пѣніе приводило его въ чисто-физическій восторгъ.

Не въ одномъ только буфетѣ, но и въ самой пріемной, у дверей графскаго кабинета, при подходящихъ условіяхъ, веселые, шуточные разговоры распространялись и на обычныхъ посѣтителей, помимо служащихъ при генераль-губернаторѣ. Помню, какъ-то разъ было затѣяно чистое школьничество—разсказывать Московскому жандармскому штабъ-офицеру Александру Владимировичу Воейкову*) всякія, самыя неподходящія для жандармскаго слуха розсказни. Какъ онъ ни старался отшучиваться, сохраняя свою серьезность, но и у него, изрѣдка, прорывался самый откровенный смѣхъ. Прекрасная это была личность, всеми любимая. Помню, по долгу своего officialнаго положенія, когда придуманное школьничество продолжалось слишкомъ долго, онъ его прекратилъ словами: полноте, господа, постыдитесь моего мундира; ему неприлично такія вещи слушать.

Весело и дружно жилось молодежи, служившей въ управленіи Московскаго генераль-губернатора. Старѣйшіе изъ чиновниковъ особыхъ порученій, а также не по лѣтамъ серьезные, не участвовали въ буфетныхъ засѣданіяхъ и вообще устранились отъ товарищескаго кружка. Они огравивались одной службой. Это несколько не значитъ, что веселая часть служащихъ ничего не дѣлала. Графъ Закревскій любилъ молодежь, понималъ потребности молодости, но внимательно слѣдилъ за своими молодыми чиновниками, незаметно испытывалъ ихъ и всякому изъ нихъ, въ которомъ замѣчалъ желаніе и способность трудиться, давалъ возможность показать себя. Были въ многочисленномъ персоналѣ генераль-губернаторскаго управленія и такіе, дѣятельность которыхъ ограничивалась одними только дежурствами. Графъ ихъ серьезно не тревожилъ; но изрѣдка и ихъ привлекалъ къ службѣ, напримѣръ къ общей внезапной повѣркѣ инци пожарной команды во всехъ городскихъ частяхъ. Такого рода ревизія производилась періодически, на основаніи предписаній, одновременно разосланныхъ всемъ ревизорамъ рано утромъ въ день повѣрки, съ

*) Двоюродный братъ Н. С. Аксакова, Н. Б.

обязанностью явиться въ тотъ же день, въ часъ пополудни, къ генераль-губернатору и сообщить о замѣченномъ. Вообще можно смѣло сказать, что всѣ служащіе при графѣ Закревскомъ любили его; но интересно, какого они были о немъ мнѣнія.

Графъ былъ неутомимый работникъ. Весь его день, за исключеніемъ обязательныхъ выѣздовъ, обѣда и слѣдовавшаго за нимъ часового отдыха, онъ проводилъ въ своемъ кабинетѣ за дѣломъ. Мы, молодежь, надо сознаться, подсмѣивались надъ его, какъ мы называли, любовью къ бумажкамъ. Неутомимая, постоянная его дѣятельность объяснялась привычкой. Нашъ старикъ такъ привыкъ къ своимъ бумажкамъ, что ими только и живетъ: вотъ что мы между собой говорили и думали. Одно обстоятельство нѣсколько измѣнило нашъ взглядъ на нашего начальника. Оно такъ врѣзалось въ моей памяти, что теперь, болѣе сорока пяти лѣтъ спустя, оно у меня живо и ясно передъ глазами.

Въ 1855 году, въ первый разъ въ Москвѣ праздновалось 30-е Августа, день именинъ въ томъ же году вступившаго на престолъ императора Александра II-го. Въ этотъ же день утромъ или въ ночь на сей день, не помню, пришло въ Москву извѣстіе о занятіи Севастополя союзниками. Хотя бюлетени предыдущихъ дней, сообщавшіе о громадныхъ суточныхъ потеряхъ въ нашихъ войскахъ, давали поводъ ожидать таковое событіе, но чуть не вся Москва была глубоко убѣждена, что импровизированныя Севастопольскія твердыни устоятъ противъ лучше вооруженныхъ и лучше содержимыхъ войскъ. Извѣстіе о сдачѣ Севастополя поразило всѣхъ. По заведенному графомъ порядку празднованія царскихъ дней, служащіе при немъ и въ канцеляріи его приносили поздравленіе въ его личномъ помѣщеніи, а въ парадныхъ комнатахъ бель-этажа генераль-губернаторскаго дома поздравляющіе во всѣхъ учрежденіяхъ города, сословные представители и частныя лица. Графъ обходилъ медленно всѣхъ поздравляющихъ, то и дѣло останавливаясь для разговора; а затѣмъ уѣзжалъ въ парадной каретѣ въ Успенскій соборъ съ военнымъ дежурствомъ, т. е. съ адъютантомъ и военнымъ чиновникомъ особыхъ порученій. Въ день 30 Августа 1855 г., согласно полученнымъ обычнымъ поутрамъ, мы всѣ служащіе при генераль-губернаторѣ собрались, какъ всегда, заблаговременно, въ пріемной у его кабинета. Предметомъ всѣхъ разговоровъ, разумѣется, было роковое извѣстіе съ добавленіемъ всякихъ толкованій и предположеній. Въ тѣ времена, когда вся Россія съ сердечнымъ замираніемъ слѣдила за ходомъ и развитіемъ Севастопольской драмы, чисто-военныя сужденія были обычны всюду и вездѣ, а

также и въ Москвѣ. Инженерные или, лучше сказать, саперные тер-мины проiakли и были усвоены въ разговорѣ, даже въ процвѣтавшемъ тогда преферансѣ. Вышедшій изъ кабинета съ озабоченнымъ лицомъ управляющій канцеляріи Ѳ. П. Корниловъ пошептался съ близкими къ нему и быстро ушелъ, а въ пріемной распространился слухъ, что графъ заболѣлъ и врядъ ли выйдетъ на пріемъ. Толпи объ этомъ продолжались однако недолго. Въ обычное время двери кабинета отворились, и графъ вышелъ въ полной парадной формѣ. Никогда не забуду его лица. Глаза были красноваты, но взглядъ былъ строгій, гордый и, если можно такъ выразиться, вызывающій. Безмолвно прошелъ онъ, раскланиваясь на обѣ стороны въ чиновничьей толпѣ и поднялся на верхъ въ сопровожденіи обычной свиты. Тамъ повторилось тоже среди разнородныхъ мундировъ, наполнявшихъ парадныя комнаты генераль-губернаторскаго дома. Этотъ безмолвный обходъ пропзвелъ на всѣхъ тяжелое впечатлѣніе; затѣмъ обычнымъ порядкомъ графъ уѣхалъ въ Успенскій соборъ*).

Впослѣдствіи я узналъ, что, дѣйствительно, графъ Закревскій заболѣлъ отъ извѣстія о сдачѣ Севастополя, и его домашній врачъ и другъ, профессоръ Александръ Ивановичъ Оверъ, сомнѣвался, что онъ будетъ въ состояніи исполнить свои обязанности; но чувство долга превозмогло надъ огорченіемъ. Графъ любилъ Россію своеобразно, но горячо и сердечно. Начавъ свою боевую службу подъ Аустерлицемъ, онъ достигъ высшихъ служебныхъ степеней въ эпическую эпоху отечественной войны. Въ Январѣ 1812 г., въ чинѣ полковника, онъ былъ назначенъ начальникомъ канцеляріи военнаго министра, которымъ тогда былъ Барклай-де-Толи; а въ Декабрѣ того же года былъ произведенъ въ флигель-адъютанты. Въ сраженіи подъ Лейпцигомъ, въ чинѣ генераль-маіора, онъ былъ пожалованъ въ генераль-адъютанты къ его императорскому величеству, въ то время, когда таковыхъ было всего семь человекъ, считая въ томъ числѣ великаго князя Константина Павловича. Начиная отъ трехъ-дневнаго Лейпцигскаго сраженія, онъ былъ связью между главнокомандующимъ Русской арміи и государемъ императоромъ. Своимъ участіемъ въ отечественной войнѣ и дальнѣйшихъ событіяхъ, окончившихся вступленіемъ Русскихъ войскъ въ Парижъ, онъ, какъ ему казалось, слился, такъ сказать, сроднился съ пріобрѣтеннымъ тогда руководящимъ положеніемъ Россіи въ Европѣ. Это положеніе, которое онъ считалъ настолько твердымъ, что ничего не можетъ поколебать его, тутъ уничтожено; а съ нимъ и та святая

*) Говорили, что съ митрополитомъ Филаретомъ сдѣлался обморокъ, когда ему сказали въ соборѣ о паденіи Севастополя. Н. Б.

святыхъ прошлаго, которую онъ съ такою любовью всегда лелѣялъ въ своемъ сердцѣ, также уничтожена; впереди же неизвѣстность. Какую бы въ послѣдствіи, роль ни играла въ Европѣ обезсиленная Россія, но отъ прежняго обаянія осталось только одно воспоминаіе, и нестерпимо горько было на сердцѣ старика.

Все сказанное выяснилось вполнѣ для меня гораздо позже; въ самый же день 30 Августа 1855 г. мнѣ, какъ и всѣмъ моимъ товарищамъ по службѣ, видно было только одно, что нашъ старый графъ страдаетъ и мужественно переноситъ свои страданія. Невольно закрадывалась мысль, что не одна старческая привычка лежала въ основаніи его постоянной, усидчивой, хлопотливой дѣятельности, а что-то такое другое, духовное, сердечное. Невольно также у всѣхъ насъ въ этотъ памятный день запало теплое сочувствіе къ внутреннему человѣку, скрывавшемуся подъ оболочкой нашего, всегда одинаково дѣятельнаго, начальника. Впрочемъ, что служащіе при графѣ Закревскомъ любили его, не можетъ нисколько служить одобреніемъ его административной дѣятельности: для мѣстности, находящейся въ управленіи того или другого лица, совершенно безразлично, какъ это лицо обращается со всѣми своими помощниками и какое чувство оно въ нихъ возбуждаетъ. Постараемся выяснить, какъ Москва относилась къ своему генералъ-губернатору.

Въ числѣ множества стиховъ, эпиграммъ и остротъ, ходившихъ тогда по Москвѣ о графѣ Закревскомъ, напомнимъ одну передѣлку моднаго въ то время романа: «По небу полуночи ангелъ летѣлъ.» Вотъ она:

Когда графъ Закревскій въ Москву прилетѣлъ,
Онъ грозную пѣсню запѣлъ,
И Лужинъ, и Берингъ, и частныхъ всѣхъ рой
Внимали той пѣснѣ съ тоской.
Онъ пѣлъ о поборахъ съ купцовъ и мѣщанъ,
Съ трактировъ...

Далѣе передѣлка становится не совсѣмъ приличной; приходится остановиться; но и приведеннаго, полагаю, достаточно, чтобы показать, какъ Москва относилась къ одной изъ сторонъ дѣятельности своего генералъ-губернатора. Несомнѣнно, что авторъ передѣлки, равно и повторявшіе ее, нисколько не думали обвинять оберъ-полиціймейстера Ивана Дмитріевича Лужина и выдающагося по своей распорядительности полиціеймейстера Алексѣя Александровича Беринга въ поборахъ. Какъ въ Московской полиціи, такъ и всюду тогда въ Россіи, поборы производились мелкими чинами; а ихъ начальство обвинялось только, когда чиновничество, по принятому тогда выраженію, было не по чину, т. е. превышало установленную обычаемъ норму. Для

высшаго начальства существовали такъ называемые безгрѣшныя доходы по службѣ, но и къ нимъ общественное мнѣніе пятидесятихъ годовъ относилось съ возрастающей враждебностью. Графъ Закревскій преслѣдовалъ взяточничество всякаго рода съ неумолимой строгостью. Во все время моей службы, имѣя много родныхъ и друзей, вполнѣ частныхъ лицъ, не стѣснявшихся со мною въ разговорѣ, я никогда не слышалъ, чтобы какіе-либо неблаговидные поступки приписывались служившимъ въ генераль-губернаторскомъ управленіи. Напротивъ, слышалъ я нерѣдко нареканія на самого генераль-губернатора, который ведетъ непосильную борьбу съ явленіями, зависящими не отъ той или другой личности, а отъ общаго порядка. Дѣйствительно, въ тѣ времена, когда драгунскіе полки раздавались для поправки состоянія блестящимъ гвардейскимъ полковникамъ, когда полиція, получая завѣдомо недостаточное жалованіе, жила въ достаткѣ, трудно было преслѣдовать взяточничество, которое было до нѣкоторой степени узаконено. Однако графъ Закревскій преслѣдовалъ его всюду и вездѣ, даже въ учрежденіяхъ вполнѣ независимыхъ, и былъ глубоко убѣжденъ, что онъ приноситъ тѣмъ общую пользу. Нельзя не сказать, что сравнительно съ предыдущимъ временемъ, по крайней мѣрѣ, по словамъ старожиловъ Московскихъ, въ Москвѣ было больше порядка, а также мелкому люду жилось легче. Благодаря доступности графа (онъ принималъ всѣхъ во всякое время), угроза: «я пойду къ генераль-губернатору» производила магическое дѣйствіе. Самая эта доступность многимъ не нравилась, особенно при репутаціи строгости графа и той широкой власти, которою онъ былъ облеченъ. Мнѣ кажется, я могу смѣло сказать, что спѣшныхъ несправедливыхъ рѣшеній по частнымъ жалобамъ, поступавшимъ къ генераль-губернатору, не могло быть. Разборъ словесныхъ жалобъ въ пріемные дни производился чиновникомъ особыхъ порученій Самуиломъ Александровичемъ Панчулидзевымъ, пользовавшимся вполнѣ заслуженнымъ довѣріемъ. Поступавшія словесныя жалобы въ непріемные дни, а также всѣ письменныя во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда по существу жалобы графъ признавалъ это необходимымъ, разслѣдовались чиновниками особыхъ порученій, безпристрастіе которыхъ вѣкъ сомнѣнія. Онъ былъ крайне остороженъ въ своихъ рѣшеніяхъ всегда; однако обвиненіе его въ строгости и незаконномъ во всемъ вмѣшательствѣ на столько было распространено, что на немъ слѣдуетъ остановиться, хотя это потребуетъ довольно подробнаго объясненія.

Графъ Закревскій былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, и если въ концѣ 1831 года испросилъ себѣ полное увольненіе (хотя бы легко могъ остаться генераль-адъютантомъ) онъ тѣмъ самымъ показалъ и

доказать, что онъ не жертвуетъ своими убѣжденіями для личныхъ, служебныхъ своихъ интересовъ. Семнадцать лѣтъ, проведенныя въ отставку, создали для него независимое положеніе, къ которому онъ не только привыкъ, но такъ приспособился, что мѣнять установившійся строй своей жизни было для него положительно трудно. Сдѣлаться въ Маѣ 1848 года Московскимъ генераль-губернаторомъ, послѣ своего служебнаго прошлаго, ничего особенно лестнаго для него не представляло. Съ другой стороны, многое измѣнилось въ высшихъ служебныхъ сферахъ со времени его отставки, и для старика 62 лѣтъ былъ своего рода рискъ принять отвѣтственную должность при новыхъ, не вполнѣ ему знакомыхъ, условіяхъ. Онъ могъ легко потерять свою прежнюю репутацію, употребивъ на эту потерю остатокъ своихъ жизненныхъ силъ; однако, онъ принялъ предложенную ему должность, но вслѣдствіе особыхъ, общихъ обстоятельствъ.

Такъ-называемое дѣло Петрашевскаго и многочисленныхъ его сообщниковъ, открытое и раздутое Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, въ пикъ Третьему Отдѣленію Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, почти одновременно съ Французской революціей 1848 года и съ болѣе или менѣе сильными политическими беспорядками въ Германіи, внушило серьезное опасеніе государю императору Николаю Павловичу, что революціонное броженіе распространилось и въ Россіи. Дѣло Петрашевскаго нисколько этого не доказывало, но дѣйствительно представляло собою благодарную почву для предположеній возможности смуты и у насъ. Изъ такой возможности вполнѣ естественно вытекала необходимость принятія соотвѣствующихъ мѣръ. Выяснить такую необходимость, настаивать на ней всегда и всюду, при всякомъ образѣ правленія, много бываетъ охотниковъ, чѣмъ, разумѣется, она крѣпнѣетъ въ общемъ сознаніи. Вотъ, въ виду ожидаемаго смутнаго времени, графъ Закревскій былъ вынужденъ уступить настояніямъ самого государя и сдѣлаться Московскимъ генераль-губернаторомъ. Онъ не просилъ никакихъ исключительныхъ полномочій, но таковыя были ему даны на всякій случай. Дѣйствительно же онъ желалъ для себя лишь служебной самостоятельности, и она была ему высочайше разрѣшена.

Не надо было много времени графу Закревскому, чтобы убѣдиться, что въ дворянской тогда Москвѣ не было и тѣни революціонныхъ элементовъ, о чемъ онъ и заявлялъ куда слѣдуетъ; изъ Петербурга, однако, писалось наблюдать за тѣмъ или другимъ, и присылались даже наблюдатели. Тутъ исключительное служебное положеніе графа Закревскаго помогло ему: онъ рѣзко заявилъ, что, съ вѣдома и согласія государя императора, принялъ всецѣло на одного себя отвѣт-

ственность за спокойствіе Москвы, а потому, пока онъ генераль-губернаторомъ, онъ не допуститъ никакого посторонняго вмѣшательства въ Москвѣ и Московской губерніи. Вотъ причина наружной устранивающей суровости, въ которую себя одѣлъ графъ Закревскій въ бытность свою Московскимъ генераль-губернаторомъ, и которую онъ постепенно смягчалъ, какъ только это стало возможнымъ. Разговоры въ кабинетѣ графа съ лицами, призванными къ нему по политическимъ, такъ-сказать, причинамъ, бывали. Несомнѣнно, они были непріятны для призванныхъ; но несомнѣнно также, что они избавляли этихъ призванныхъ отъ еще большіхъ непріятностей. Наружная суровость графа не только облегчала ему мѣстную дѣятельность, но защищала его отъ нападеній изъ Петербурга. Война съ Петербургомъ часто возгаралась по политическимъ и другимъ вопросамъ; особенно она приняла острую форму въ послѣднее время царствованія императора Николая I, когда министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ Д. Г. Влбиковъ. Въ этомъ фазисѣ Петербургской войны графъ не былъ побѣжденъ и сохранилъ свою самостоятельность.

Огульныя обвиненія, не подкрѣпленныя достовѣрными фактами, легко принимаются и рѣшаются судомъ общественнаго мнѣнія, а затѣмъ, съ теченіемъ времени, какъ рѣшенія всякаго суда, вступаютъ, такъ-сказать, въ законную силу, и апеллировать противъ нихъ невозможно. Въ тѣ времена не было суда, который избавлялъ, или могъ избавлять, лицъ, облеченныхъ властью, отъ ошибокъ. Произволъ царствовалъ на всѣхъ ступеняхъ администраціи. Графъ Закревскій былъ опытный и въ высшей степени благонамѣренный администраторъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, добрый и сердечный человѣкъ; но и онъ ошибался и могъ ошибаться. Его ошибки, при его власти и положеніи, вполне естественно, были болѣе другихъ замѣтны и строже другихъ оцѣнены общественнымъ мнѣніемъ. Помню одно обстоятельство, которое тогда произвело очень тяжелое впечатлѣніе въ Москвѣ. Въ модномъ тогда Ново-Троицкомъ трактирѣ, содержимомъ купцомъ Морозовымъ, завелась карточная игра, и были случаи обыгрыванія простаковъ профессиональными игроками. Графъ вызвалъ къ себѣ владѣльца трактира; случайно въ тоже время къ нему явился дворянинъ Морозъ. Произошло недоразумѣніе, и пришлось дворянину выслушать то, что было приготовлено для купца. Къ счастью, недоразумѣніе выяснилось довольно скоро, и графъ извинился въ самыхъ горячихъ выраженіяхъ предъ г. Морозомъ, который впослѣдствіи часто бывалъ на балахъ и вечернихъ пріемахъ по Пятницамъ въ генераль-губернаторскомъ домѣ.

Позволю себѣ еще припомнить одинъ оригинальный случай. Былъ тогда въ Москвѣ вѣкто хромоногій дворянинъ Фроловъ, хорошо

извѣстный всѣмъ изъ молодежи. Онъ былъ постоянный посѣтитель модныхъ ресторановъ, клубныхъ маскерадовъ и лѣтнихъ увеселительныхъ мѣстъ. Очень часто съ нимъ бывали всякія песторіи въ публичныхъ мѣстахъ, и онъ пользовался прочной репутаціей скандалиста. Графъ неоднократно призывалъ его для отеческихъ увѣщаній, но они оказались безуспѣшными, и графъ сослалъ его въ Колу. По возвращеніи Фролова съ дальняго Сѣвера, я его какъ-то не встрѣчалъ и забылъ совершенно о немъ. Въ Сентябрѣ 1864 года, когда графъ Закревскій проживалъ въ нашемъ Итальянскомъ имѣніи Гальчето, въ 25 верстахъ отъ Флоренціи, однажды утромъ я увидалъ въ аллеѣ, ведущей съ большой дороги на виллу, Фролова въ колясочкѣ, медленно поднимающейся въ гору. Такое появленіе въ Италіи прежняго сосланнаго меня немало напугало. Подъѣхавъ къ дому, Фроловъ еще изъ коляски, смѣясь, сказалъ мнѣ: «Навѣрное, вы не рады такому гостю, какъ я; но успокойтесь». Въ короткихъ затѣмъ словахъ онъ мнѣ заявилъ, что пріѣхалъ нарочно поблагодарить графа за ссылку, такъ какъ, благодаря ей, онъ образумился, бросилъ кутежи и сдѣлался человекомъ. Фроловъ завтракалъ въ Гальчето и, послѣ его отъѣзда, графъ мнѣ разсказалъ, что ссылка послѣдовала вслѣдствіе просьбы семьи Фролова. Счастливый результатъ такой крутой мѣры, разумѣется, нисколько не говоритъ въ пользу ея; но въ то время такія мѣры принимались, и болѣе чѣмъ вѣроятно, не всегда оказывали такое полезное дѣйствіе, какъ въ данномъ случаѣ.

Графъ вообще относился снисходительно къ молодежи и ея грѣхамъ, если въ нихъ не было чего-либо грязнаго; особенно эта снисходительность проявлялась къ офицерамъ, пріѣзжавшимъ въ отпускъ въ Москву. За шалость въ публичномъ мѣстѣ получалось отеческое наставленіе, снабженіе деньгами виновнаго, для выѣзда изъ Москвы, и иногда легкое наказаніе. Все обходилось домашнимъ порядкомъ, безъ вліянія на дальнѣйшую службу провинившагося. Приведу одинъ только примѣръ, хорошо мнѣ извѣстный. Во время Венгерской кампаніи молодой артиллерійскій офицеръ Стефани отличился. Раненый довольно серьезно въ голову, въ то время, какъ онъ ѣхалъ верхомъ вблизи непріятельской цѣпи съ порученіемъ командира, при которомъ состоялъ ординарцемъ, онъ все же въ точности исполнилъ данное ему приказаніе. Стефани былъ награжденъ, и ему высочайше было разрѣшено носить постоянно фуражку даже въ строю, что въ то время, когда фуражки не допускались въ городахъ, отличало его всюду. Находясь въ отпуску, проѣздомъ къ родителямъ, онъ застрялъ въ Москвѣ, гдѣ закутилъ. Въ маскерадѣ Нѣмецкаго клуба, выпивши лишнее съ пріятелями, онъ учинилъ скандалъ и попалъ въ комендантское управле-

ніе. Графъ его призвалъ къ себѣ, отечески пожурилъ и снабдилъ его необходимыми средствами для расплаты въ Москвѣ и проѣзда домой, предварительно, кажется, выдержавъ его сутки на гауптвахтѣ. (Я зналъ Стефани, но ближе его брата). По словамъ графа Закревскаго, въ его заграничныхъ откровенныхъ со мною бесѣдахъ, въ 1862 и 1864 гг., онъ во все время своей службы въ Москвѣ никого несчастнымъ не сдѣлалъ, пользуясь своей неограниченной властью, а многимъ, насколько могъ, помогалъ. Старика глубоко оскорбляло, что его въ Москвѣ называли пашей, тогда какъ въ его предыдущей службѣ, до его отставки въ 1831 г., онъ слылъ за гуманнаго или, какъ теперь говорятъ, либеральнаго человѣка. Въ подтвержденіе послѣдняго, напомню то, что было мною писано въ біографической замѣткѣ, напечатанной въ первомъ томѣ изданія бумагъ графа Закревскаго, а именно:

«Въ концѣ шестидесятихъ годовъ, во Флоренціи, я познакомился съ жившимъ тамъ тогда декабристомъ Поджіо, который не разъ, въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ, высказывалъ свою горячую благодарность Закревскому ¹⁾ за его вниманіе къ нему и къ его товарищамъ въ ихъ печальномъ положеніи въ то время, какъ онъ былъ генералъ-губернаторомъ Финляндіи. Оставаясь точнымъ исполнителемъ закона, Арсеній Андреевичъ сумѣлъ избѣгнуть излишней придирчивости и доставлялъ заключеннымъ всѣ тѣ облегченія, которыя были возможны» ²⁾).

Вмѣшательство графа Закревскаго во все, что дѣлалось въ Москвѣ давало ему массу работы, и онъ ею занимался съ феноменальной усидчивостью и добросовѣстностью. Онъ былъ глубоко убѣжденъ, что только однимъ руководствомъ всего и всѣхъ можно достигнуть общаго благосостоянія и правды въ общественной жизни. Онъ считалъ себя отвѣтственнымъ не только за политическое спокойствіе Москвы, но и за правильность экономическаго ея развитія. Врядъ ли можно упрекать его за это. Убѣжденіе во всемогуществѣ администраціи было общее. Оно опредѣленно высказалось въ пьесѣ графа Сологуба «Чиновникъ», данной въ Петербургѣ въ зиму 1855—1856 г. г. Только послѣ замѣчательной критики этой пьесы въ статьѣ Николая Филипповича Павлова, появившейся лѣтомъ 1856 г. въ «Русскомъ Вѣстникѣ», вѣра въ благотѣльное вліяніе бдительнаго и благонамѣреннаго чиновника на все и на всѣхъ начала слабѣть въ общественномъ мнѣніи. Да и теперь, путемъ прогресса, небывалымъ, еще недавно невысказаннымъ облегченіемъ способовъ сообщенія, мы вернулись къ прежнимъ идеаламъ,

¹⁾ Время, о которомъ говоритъ Поджіо, относится къ 1826 г., когда Закревскій не былъ еще графомъ. Таковымъ онъ сдѣлался, по представленію Финляндскаго Сената, высочайшимъ рескриптомъ, даннымъ въ Гельсингфорсѣ 2 (14) Августа 1830 г.

²⁾ Вспомнимъ Е. А. Баратынскаго. П. Б.

но въ другомъ видѣ. Не у насъ однихъ законодательство, своими до мелочи подробностями, старается обезличить какъ администрацію, такъ и административный матеріалъ. Само собою, пожалуй неосознательно, все болѣе вводится автоматизмъ въ общественную жизнь, напоминающій настоящія громадныя фабрики и заводы, въ которыхъ одинъ двигатель приводитъ въ движеніе разнообразнѣйшія машины. Врядъ ли и теперь можно ставить въ вину графу Закревскому, что онъ считалъ себя такимъ двигателемъ въ Москвѣ.

Въ Москвѣ, въ обществѣ, сложилось убѣжденіе, что графъ Закревскій въ своей служебной дѣятельности, по части наградъ и назначеній, находился подъ вліяніемъ своей жены и дочерей. Это убѣжденіе пережило самого графа, и если оно хоть сколько нибудь справедливо и вѣрно, такъ только относительно приѣма на службу въ многочисленный штатъ генераль-губернаторскаго управленія и еще болѣе многочисленное количество причисленныхъ къ сему управленію сверхъ штата. Графъ былъ лично замѣчательный работникъ и, вполне понятно, при его положительномъ талантѣ испытывать служащихъ при немъ, онъ приближалъ къ себѣ и отличалъ только тѣхъ, которые хотѣли и умѣли помогать ему въ его занятіяхъ. Наиболѣе пользовавшіеся его довѣріемъ держались постоянно вдали отъ дамской половины генераль-губернаторскаго дома; напротивъ, туда стремились новички не потому, чтобы черезъ эту половину получать награды и отличія, а вслѣдствіе того, что на ней они встрѣчались чаще съ своимъ начальникомъ и при такомъ сближеніи могли скорѣе показать ему себя. Графъ не только любилъ, но обожалъ свою единственную дочь; но и она, какъ мнѣ доподлинно извѣстно, очень часто, когда ей что-либо было нужно для себя, прибѣгала къ посредничеству постороннихъ лицъ, близкихъ къ нему. Наконецъ, по личному опыту знаю, что рекомендаціи и просьбы дамской половины не имѣли серьезнаго значенія. Много позже, отъ самой графини Закревской и ея дочери, я узналъ, что мое назначеніе лѣтомъ 1852 года временнымъ секретаремъ графа было вопреки ихъ просьбамъ назначить другое лицо, имѣвшее безусловно, по своему положенію, гораздо болѣе правъ, чѣмъ я, на занятіе этой должности. То былъ чиновникъ особыхъ порученій; я же тогда—мелкій, юный сверхштатный чиновникъ канцеляріи. Не стану утверждать, что выборы графа на должности были всегда удачны. Не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ; а графъ постоянно много дѣлалъ. Въсѣтъ съ тѣмъ, я долженъ сказать, что просьбы и домогательства всякаго рода часто поступали на дамскую половину генераль-губернаторскаго дома, и что онѣ бывали и настоятельны, и энергичны. Это мнѣ хорошо было извѣстно; но также было извѣстно, что онѣ не достигали своей цѣли.

Тѣмъ не менѣе вполнѣ понятно, что всюду просьбы, идущія по одному направленію, мало-помалу, со временемъ прокладываютъ своего рода протоптанную тропинку, которая рано или поздно дѣлается общеизвѣстной; но это еще не доказательство, что эта тропинка была лучшей и самый вѣрный путь для достиженія желаемого. Не въ одной Москвѣ ломанная линія считалась кратчайшимъ разстояніемъ между двумя пунктами. Такое еретическое мнѣніе встрѣчается, пожалуй, и теперь.

Графъ Закревскій былъ уволенъ отъ должности Московскаго генералъ-губернатора въ Апрѣлѣ 1859 года. Ходило тогда по Москвѣ приписываемое князю Меншикову объясненіе, что графъ Закревскій былъ уволенъ за то, что онъ сдѣлалъ разводъ безъ церемоніи. Дѣйствительно, бракъ его дочери со мною былъ причиною его увольненія. Собственно въ самомъ фактѣ брака прямого, видимого участія графъ не принималъ, и впрочемъ въ немъ были законнымъ порядкомъ привлечены къ отвѣтственности Рязанской Уголовной Палатой, по мѣсту его совершенія въ Рязанской губерніи. Вина графа заключалась въ томъ, что онъ выдалъ намъ, т. е. женѣ и мнѣ, заграничный паспортъ на имя князя и княгини Друцкихъ-Соколинскихъ, въ чемъ несомнѣнно было злоупотребленіе властью. Затѣмъ въ своемъ отвѣтѣ на запросъ управлявшаго Третьимъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, князя Василія Андреевича Долгорукаго объ нашемъ бракѣ, онъ принялъ всю вину на себя. Графъ Закревскій всегда, въ своихъ заграничныхъ бесѣдахъ со мною и при мнѣ съ близкими ему людьми, находилъ, что увольненіе его вполнѣ справедливо. Онъ также всегда находилъ, что чѣмъ обширнѣе власть, предоставленная должностному лицу, тѣмъ тяжелѣе должна быть и отвѣтственность сего лица въ случаѣ злоупотребленія имъ этой властью для личныхъ цѣлей. Однако въ дѣяніи графа Закревскаго были обстоятельства, если не вполнѣ оправдывавшія его, то значительно уменьшавшія его вину.

Считаю своимъ дѣломъ выяснить эти обстоятельства и тѣмъ снять нареканіе съ человека, который во всю свою долготѣнную службу всегда старался оставаться, да и всегда оставался, на почвѣ законности, какъ она тогда не имѣла однимъ, а всѣмъ понималась. Прошло болѣе сорока лѣтъ съ тѣхъ поръ и, полагаю, я могу говорить вполнѣ откровенно; постараюсь, однако, быть, насколько возможно, краткимъ.

Болѣе года передъ нашимъ бракомъ, имѣвшимъ такія послѣдствія для графа Закревскаго, шли его переговоры, черезъ генерала Бутурлина, съ первымъ мужемъ моей жены, графомъ Д. К. Нессельроде; но ими соглашенія достигнуто не было. Тогда графъ Закревскій обратился къ своему другу молодости князю Алексѣю Федоровичу Орлову, съ ко-

торымъ онъ былъ въ постоянной перепискѣ еще до своего назначенія Московскимъ генералъ-губернаторомъ и послѣ. Необходимо пояснить, что переписка эта всегда велась слѣдующимъ образомъ: письма графа адресовались управлявшему его домомъ въ Петербургъ, Александру Степановичу Безсонову, который относилъ ихъ князю Орлову и писалъ графу словесные его отвѣты. Участіе князя Орлова, такъ же какъ и Бутурлина, не имѣло успѣха; и вотъ явилась мысль просить государя императора черезъ того же князя Орлова. Государь призналъ свое вмѣшательство въ бракоразводное дѣло невозможнымъ, такъ какъ дѣла такого рода вполнѣ зависятъ отъ духовной власти. Во время всѣхъ этихъ долго длившихся переговоровъ, по личнымъ дѣламъ графа, приобрѣлъ его довѣріе стряпчій уголовныхъ дѣлъ Михаилъ Ѳедоровичъ Троицкій.

Помню, я съ нимъ познакомился въ одной слѣдственной комиссіи по бывшимъ въ Москвѣ грабежамъ, въ которой мы оба были членами. Обвиненныхъ было много; слѣдствіе тянулось довольно долго, и въ комиссіи Троицкій выдѣлялся своей опытностью и находчивостью. Потомъ мнѣ съ нимъ не разъ приходилось работать по другимъ слѣдствіямъ. Это былъ довольно толстый человѣкъ съ нѣсколькими грубыми формами въ разговорѣ, но замѣчательно умный и, по тогдашнему, свѣдущій въ законахъ. Отъ Безсонова, постоянно разѣзжавшаго между Петербургомъ и Москвой, онъ узналъ, какіе тайные переговоры ведутся, и высказалъ ему, что разводъ пустое дѣло, которое онъ легко устроить. Это было передано графу, который выслушалъ его и вполнѣ убѣдился его доводами. Идея Троицкаго въ краткихъ словахъ заключалась въ слѣдующемъ: безъ согласенія разводъ невозможенъ, но бракъ и безъ развода вполнѣ возможенъ. Таковъ бракъ есть преступленіе; но всякое преступленіе можетъ быть прощено высочайшей властью или не преслѣдуемо; таинство же брака, когда оно не уничтожено подлежащей духовной властью, остается *). Графъ, при сердечномъ своемъ желаніи прочно устроить свою единственную дочь, фактически разведенную, а юридически находящуюся въ зависимости отъ своего мужа, горячо ухватился за мысль Троицкаго; но прежде исполненія его плана, онъ сообщилъ его князю Орлову. Безсоновъ увѣдомилъ, что князь одобряетъ. Графъ однако не удовольствовался отвѣтомъ Безсонова, котораго считалъ человѣкомъ вѣрнымъ, но мало свѣдущимъ и потому неспособнымъ въ точности передать мнѣніе, и послалъ самого Троицкаго въ Петербургъ къ князю Орлову. Возвратившійся посланный подтвердилъ всецѣло сообщеніе Безсонова. Графъ окончательно

*) Въ подкрѣпленіе своей мысли, Троицкій привелъ нѣсколько приѣздовъ незаконныхъ браковъ вполнѣ, счастливо и спокойно существующихъ.

убѣдился, что въ исполненіи предположенія Троицкаго заключается единственная возможность обезпечить его дочь въ будущемъ и со свойственной ему рѣшительностью поручилъ самому Троицкому исполненіе предложеннаго имъ плана. Рѣшеніе было принято осенью 1858 года; но только 6-го Февраля 1859 г. произошло наше вѣнчаніе въ сельской церкви Рязанской губерніи, а затѣмъ вскорѣ и мы, новобрачные, уѣхали за границу. Впослѣдствіи оказалось, что князь Орловъ, выслушавъ предположенія Троицкаго, высказалъ только свое, исключительно-личное одобреніе, предполагая, что браку будетъ предшествовать, такъ или иначе, что-то въ родѣ развода. Между тѣмъ графъ былъ глубоко убѣжденъ, что князь Орловъ, изъ понятной осторожности, не все высказывалъ его посланнымъ, и его одобреніе имѣло гораздо болѣе широкое значеніе, т. е., что намѣренія графа были извѣстны самому государю. Въ этомъ убѣжденіи его всего болѣе утвердило постоянно повторяемое княземъ Орловымъ въ ихъ тогдашней перепискѣ указаніе, что въ дѣлѣ брака прежде всего и болѣе всего необходимо избѣгнуть огласки. Относительно огласки, дѣло было ведено очень ловко. Я вышелъ въ отставку въ концѣ 1858 года и не показывался въ Москвѣ. Послѣ вѣнчанія, оставивъ жену у моихъ родителей въ деревнѣ Смоленской губерніи, я масляницу провелъ одинъ въ Москвѣ и появлялся на всѣхъ вечерахъ и балахъ. Переѣхавъ же границу, мы прожили недолго въ Брюсселѣ, а затѣмъ устроились въ мѣстечкѣ Worthing близъ Брайтона въ Южной Англіи, гдѣ жили совершенно одиноко. Только въ Апрѣлѣ было сообщено о нашемъ пребываніи за границей III Отдѣленію Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи и послѣдовалъ тотъ отъ нея запросъ, о которомъ я уже упоминалъ.

Однимъ недоразумѣніемъ объясняется рѣшимость графа Закревскаго сдѣлать то, что вызвало его увольненіе. По тѣмъ убѣжденіямъ, которыми онъ руководился всегда въ своей долготѣйшей служебной дѣятельности, онъ никогда не нарушалъ законности. Законность же онъ понималъ, какъ точное согласованіе своей дѣятельности съ волей источника закона, т. е. царя. Если эта воля такъ или иначе неисполнима, всегда возможно заболѣть и выйти въ отставку, что онъ и сдѣлалъ въ 1831 году. А меня всегда мучила, и мучить до сихъ поръ, мысль, что отчасти я былъ причиной неблаговиднаго конца службы чловѣка, вполне достойнаго, всегда относившагося строго къ себѣ и къ своимъ обязанностямъ. Надѣюсь, что правдивый рассказъ объ этомъ концѣ выяснитъ, что тутъ графъ Закревскій не былъ такъ виноватъ, какъ это кажется съ перваго взгляда. Самъ онъ никогда не старался извинять себя и прямо, всецѣло принималъ на себя отвѣтственность

за сдѣланное. Ему удалось избавить всѣхъ участвовавшихъ въ нашемъ бракѣ отъ отвѣтственности; но онъ скорбѣлъ, что его дочь п я все же находилась подъ тяжестью уголовного преслѣдованія, которое, впрочемъ, ограничивалось кое-когда требованіемъ явиться. Къ сожалѣнію, высочайшее наше помплованіе послѣдовало послѣ его смерти; если же оно не было получено ранѣе, въ этомъ отчасти былъ виноватъ самъ графъ, ибо императоръ Александръ II относился къ нему п послѣ его увольненія съ большимъ вниманіемъ. Какъ пользовался этимъ цѣннымъ вниманіемъ графъ, потребовало бы длинныхъ объясненій, въ сущности вполне излишнихъ, разъ въ данномъ разсказѣ все дѣло заключается только въ выясненіи личности графа.

Многіе изъ лицъ, принадлежавшихъ къ кружку, собравшемуся вокругъ графа Закревскаго, высказывали мнѣ послѣ его увольнения, что онъ ушелъ отъ служебной дѣятельности скорѣе въ-время, пменно наканунѣ великихъ реформъ шестидесятыхъ годовъ XIX столѣтія. Если такъ говорили п думали люди, приближенные къ графу, то вполне понятно п ясно, что могла о немъ говорить интеллигенція Московская, при его репутаціи строгости п самовластия. Какъ тѣ, такъ п другіе, безусловно ошибались. Я этимъ нисколько не хочу сказать, чтобы графъ Закревскій былъ самымъ подходящимъ генераль-губернаторомъ для Москвы въ шестидесятыхъ годахъ. Въ 1859 г. ему было 73 года, п при такомъ возрастѣ, дѣйствительно, трудно прилаживаться къ новымъ порядкамъ, хотя административная опытность, чуждая всякихъ увлеченій, пожалуй, всего болѣе полезна именно при новыхъ порядкахъ.

Невѣрность сужденія всѣхъ въ то время о графѣ Закревскомъ заключается въ томъ, что всѣ считали его врагомъ освобожденія крестьянъ, п вотъ это безусловно невѣрно. Странно, что въ Москвѣ сложилось такое мнѣніе, когда графъ во все время своего тамъ одиннадцатилѣтняго генераль-губернаторства, не на словахъ, а на дѣлѣ, показлъ себя врагомъ крѣпостного права. Злоупотребленія этимъ правомъ преслѣдовались имъ постоянно, п масса лицъ, благодаря ему, освобождены изъ крѣпостной зависимости; но преслѣдованіе злоупотребленій тѣмъ или другимъ правомъ нисколько еще не доказываетъ со стороны преслѣдователя ни его любви, ни его враждебности къ этому праву. Графъ Закревскій былъ и теоретически, и принципиально за освобожденіе крестьянъ; но онъ находилъ, что администрація не умѣла сгладить новыхъ земледѣльческихъ отношеній; а также онъ относился скептически къ долговѣчности ожидаемыхъ п уже объявленныхъ реформъ. Въ обоихъ случаяхъ онъ видѣлъ настоящій п будущій внутренний разладъ въ Россіи; вслѣдствіе сего, онъ высказывалъ опасенія, что обезсиленная Россія не въ состояніи будетъ справиться съ искон-

нымъ своимъ врагомъ, Наполеономъ III. Убѣжденіе его, что племянникъ не удовольствуется Севастополемъ и отомститъ еще болѣе той странѣ, которая одна побѣдила его дядю и освободила Европу отъ ига, сдѣлалось у него своего рода мономаніей. Еще въ 1862 году выслушивалъ онъ возраженія въ нашихъ бесѣдахъ; но въ 1864 году, послѣ безпорядковъ въ Польшѣ и Литвѣ, въ которыхъ онъ видѣлъ руку Наполеона III, онъ сдѣлался, если такъ можно выразиться, ярымъ консерваторомъ. Необходимо нѣсколько подробнѣе выяснить политическое сredo покойнаго графа А. А. Закревскаго.

Въ 1862 г., проведя три мѣсяца въ ежедневномъ общеніи съ моимъ тестемъ въ Дрезденѣ, Тѣплицѣ и Діеппѣ, я полюбилъ его всей душой, какъ родного отца. Могу смѣло сказать, что и онъ полюбилъ меня, какъ сына. Въ своихъ бесѣдахъ со мною онъ говорилъ вполне откровенно, и я былъ несказанно удивленъ, убѣдившись, что мой прежній начальникъ далеко не то, что мы всѣ о немъ думали; а какъ теперь я понимаю, онъ былъ либераль временъ Александра I, но не Аракчеевскаго конца. Враждебности своей къ выразителю сего конца графъ никогда не скрывалъ, о чемъ мнѣ рассказывалъ немало слушавшій. Въ концѣ пятидесятихъ годовъ въ Москвѣ, когда предреформенное броженіе мало-по-малу все болѣе и болѣе развивалось и усиливалось, я всецѣло имъ увлекся. Въ сущности это было что-то смутное. Центромъ броженія была, безусловно, такъ-называемая тогда эмансипація, а затѣмъ общее недовольство неурядицамъ, которые съ такой яркой наглядностью выказались во время одиннадцатимѣсячной осады Севастополя. Недовольство недостаточно выражаетъ всеобщее настроеніе, а скорѣе, надо сказать, озлобленіе. Но въ этомъ озлобленіи была только критика, отрицательное начало; положительнаго же было только одно: освобожденіе крестьянъ и способы его осуществленія. Только имъ и занималось общественное мнѣніе; что же далѣе? Тутъ полная неопредѣленность, скорѣе полная безпредѣльность и вмѣстѣ радостное чувство возможности дышать и говорить свободнѣе прежняго. Последнее было уже своего рода реформой, фактически существующей, и она дѣйствовала обаятельно на молодежь и пока удовлетворяла ее, а вмѣстѣ съ тѣмъ и меня. Вотъ какое настроеніе увезъ я съ собою въ концѣ зимы 1859 года за границу. Въ связи освобожденія крестьянъ съ необходимостью измѣненія общаго государственнаго устройства Россіи я убѣдился гораздо позже.

Благодаря рекомендательному письму Василія Петровича Боткина, съ которымъ я сблизился во Флоренціи въ зиму 1860—1861 гг., я познакомился лѣтомъ 1861 года въ Англіи съ А. И. Герценомъ, которымъ былъ принятъ и принимаемъ весьма любезно. Я узналъ Гер-

цена, пожалуй, въ лучшую эпоху его жизни. Его имя и мнѣніе пользовались тогда въ Россіи большимъ авторитетомъ; въ Лондонѣ онъ былъ окруженъ не только разноплеменными выходцами, но и многими Русскими пріѣзжими. Достигнутый успѣхъ, а еще болѣе ожиданіе благодѣтельныхъ реформъ для Россіи, которую онъ горячо, сердечно любилъ, придали ему, по словамъ знавшихъ его издавна, радостное настроеніе. Живость, искренность, блестящее остроуміе и чисто-Русскій юморъ очаровывали въ Герценѣ и вполне естественно подчиняли его вліянію молодежь. Не могу сказать, чтобы я вполне увѣровалъ въ Герцена; но онъ меня убѣдилъ, что освобожденіе крестьянъ логически, неминуемо приведетъ въ Россіи къ общимъ реформамъ, которыя выведутъ ее на такой путь, свернуть съ котораго уже не удастся никакой человѣческой силѣ. Странно какъ-то вышло: Герценъ меня приготовилъ къ бесѣдамъ съ графомъ Закревскимъ 1862 г. Еще страннѣе, что эти двѣ столь противоположныя другъ другу личности въ сущности во многомъ сходились. Оба горячо и сердечно любили свое отечество, оба видѣли въ освобожденіи крестьянъ явленіе, которое неминуемо, логически поведетъ къ дальнѣйшему развитію. У обоихъ, однако, какъ чувство, такъ и предвидѣніе, выражались совершенно различно. Герценъ только мечталъ объ лучшемъ положеніи своей родины и объ успѣшномъ ея внутреннемъ развитіи; возможности международныхъ осложнений онъ не придавалъ никакого значенія. Графъ, наоборотъ, всего болѣе былъ озабоченъ этой возможностью и ей подчинялъ все, что могло и должно было дѣлаться въ Россіи тогда. Сколько разъ, бывало, въ нашихъ спорахъ онъ мнѣ повторялъ свое излюбленное выраженіе: «Я-то, Богъ дастъ, не доживу до такого срама; а ты, пожалуй, увидишь, что въ Москвѣ, вмѣсто Русскаго генераль-губернатора, будетъ сидѣть Французскій префектъ». Не думаю, чтобы въ этомъ возраженіи было серьезное убѣжденіе, а полагаю, что это былъ скорѣе готовый аргументъ для спора. Я уже говорилъ, что боязнь Наполеона III и его не вполне ясной, но дѣятельной политики развилась у графа въ болѣзненную мономанію. Нельзя не сказать, что въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ Французское правительство пользовалось безусловнымъ авторитетомъ, предъ которымъ преклонялась вся Европа, и до нѣкоторой степени опасенія графа Арсенія Андреевича имѣли основаніе.

Графъ не вѣрилъ въ серьезность предпринятыхъ въ Россіи реформъ и полагалъ, что онѣ или не будутъ доведены до конца, или, доведенныя, будутъ измѣнены, а пожалуй и отмѣнены, что произведетъ внутреннее недовольство, которое, какъ бы оно ни проявилось, свяжетъ правительство. Такимъ положеніемъ непременно воспользуется

Наполеонъ. Графъ ссылался на императора Александра I, который въ началѣ своего царствованія также мечталъ о широкихъ реформахъ и даже приступилъ къ ихъ осуществленію, но потомъ отказался отъ нихъ; но это была, по мнѣнію графа, такая изъ ряда выходящая личность, которая могла все себѣ позволить. Человѣкъ, который возвелъ Россію на такую высоту въ Европѣ, до которой наше отечество никогда, ни до него, ни послѣ него, не достигало, тѣмъ самымъ оказалъ своей родинѣ такія заслуги, при которыхъ все остальное въ его жизни и дѣятельности не имѣетъ ни малѣйшаго значенія. Чтò думалъ графъ Закревскій сорокъ лѣтъ тому назадъ о реформахъ въ Россіи, помимо освобожденія крестьянъ, врядъ ли нынѣ интересно; но его мнѣніе объ императорѣ Александрѣ I имѣетъ нѣкоторое, пожалуй, историческое значеніе.

Графъ Закревскій, въ чинѣ полковника, былъ 3 Декабря 1812 г. назначенъ флигель-адъютантомъ и съ тѣхъ поръ сопровождалъ государя императора Александра Павловича во все время военныхъ дѣйствій, вплоть до вступленія нашихъ войскъ въ Парижъ. 29 Мая 1815 г. ему было поручено сформированіе главнаго штаба его императорскаго величества, къ чему онъ и приступилъ въ Гейдельбергѣ. Вторичный походъ во Францію приостановилъ это формированіе, но фактически онъ исполнялъ при государѣ должность дежурнаго генерала главнаго штаба, которымъ офиціально онъ былъ назначенъ 12 Декабря 1815 г. и оставался таковымъ до 30 Августа 1823 г., когда былъ назначенъ Финляндскимъ генераль-губернаторомъ. Съ Декабря 1812 г. по 30 Августа 1823 г. онъ былъ близкимъ человѣкомъ государю императору Александру Первому и естественно могъ узнать его вполне, но начало этой близости наложило крѣпкую окраску на мнѣніе его о государѣ. Графу Закревскому было всего 27 лѣтъ отъ роду, когда онъ былъ назначенъ генераль-адъютантомъ и сдѣлался довѣреннымъ человѣкомъ государя. Въ то время обстоятельства все болѣе выдвигали Русскаго императора, какъ руководителя въ Европѣ, рѣшителя важныхъ историческихъ вопросовъ, имѣющихъ міровое значеніе. Вполнѣ естественно, что обаянія этого начала ничто въ послѣдовавшихъ отношеніяхъ измѣнить уже не могло. Графъ Закревскій часто былъ недоволенъ дѣйствіями государя Александра Павловича и въ своихъ разсказахъ о немъ не скрывалъ его недостатковъ, но всегда объяснялъ ихъ удовлетворительнымъ образомъ. Въ международной политикѣ онъ всецѣло, безусловно преклонялся предъ государемъ и считалъ его дипломатомъ выше Талейрана и Меттерниха; но и въ мелочахъ его, такъ сказать, служебной дѣятельности онъ все объяснялъ необходимостью. Изъ многихъ слышанныхъ мною разсказовъ приведу для примѣра только одинъ.

Губернскія дворянства ходатайствовали представить свои вѣрно-подданныческіе адреса государю императору по возвращеніи его изъ-за границы въ 1816 г. Сначала предполагался общій пріемъ предводителей и избранныхъ дворянствомъ депутатовъ; но впоследствии это было измѣнено, и только одни губернскіе предводители принимались группами не болѣе четырехъ-пяти человекъ за разъ. Въ одно изъ такихъ представленій графъ Закревскій и графъ П. Д. Киселевъ (тогда оба еще не графы) были въ пріемной, во дворцѣ. Государь былъ не въ духѣ, чѣмъ-то раздраженъ; но въ назначенное время, очередные предводители были введены въ его кабинетъ. Когда дверь кабинета затворилась, Киселевъ, обратясь къ Закревскому, сказалъ: «не встали они пришли; а ничего, онъ ихъ все же сумѣетъ такъ разжалобить, что всѣ расплачутся, начиная съ него самого, а потомъ кого уже намѣтилъ, подтянетъ какъ слѣдуетъ». Дѣйствительно, выходящая изъ кабинета группа вытирала слезы. Графъ Закревскій находилъ, что способность человека, по собственной его волѣ, легко и быстро переходитъ всецѣло отъ одного настроенія къ другому совершенно противоположному, весьма цѣнное качество высшаго правителя, обязаннаго по своему положенію разнородно относиться къ разнороднымъ учрежденіямъ и лицамъ, чуть не ежедневно и постоянно. Такой умѣлый въ мелочахъ правитель, первый дипломатъ въ Европѣ, окруженный ореоломъ всеміи признанной славы, могъ все себѣ позволить безъ всякой серьезной опасности для своего отечества и для своего авторитета.

Графъ упрекалъ правительственное направленіе начала шестидесятыхъ годовъ въ двухъ, по его глубокому убѣжденію, весьма важныхъ прегрѣшеніяхъ: поспѣшности реформъ и заигрыванія администраціи съ общественнымъ мнѣніемъ данной минуты, что онъ находилъ въ высшей степени рискованнымъ при возможности международныхъ осложнений. Въ сущности онъ не былъ врагомъ ни реформъ, ни общественного мнѣнія, но возставалъ противъ способа введенія первыхъ и обращенія съ послѣднимъ. Объ уничтоженіи крѣпостного права, взяточничества и объ измѣненіи существовавшихъ судебныхъ учреждений, по его словамъ, онъ мечталъ еще въ молодости, когда первыя проявленія царствованія Александра I возбудили радужныя надежды всей Россіи. Необходимо имѣть въ виду, что графъ Закревскій былъ произведенъ въ офицеры и поступилъ на службу въ 1802 г. въ Архангелогородскій пѣхотный полкъ, въ которомъ засталъ еще булки, пудру, эспантонъ и прочіе Павловскіе порядки. Отразившіяся на восемнадцатилѣтнемъ юношѣ новыя вѣянія имѣли вліяніе на направленіе всей его жизни. Я старался вполне добросовѣстно понять,

такъ сказать, политическія убѣжденія графа А. А. Закревскаго и, если бы онъ былъ сторонникомъ якобы патріархальнаго отношенія къ младшей братіи, о необходимости котораго толкуютъ и теперь, то онъ точно также добросовѣстно постарался бы это выяснить. Кстати позволю себѣ одинъ странный вопросъ: въ семь 1901 г., первомъ году XX столѣтія, уничтожено ли вполнѣ крѣпостное право въ нашемъ помѣстьяхъ захудаломъ крестьянствѣ?

Въ 1864 году графъ пріѣхалъ за границу на видѣ болѣе слабымъ чѣмъ два года передъ тѣмъ. Къ вечеру появлялась часто сонливость; былъ у него отекъ ногъ, что серьезно озабочивало его доктора и друга А. П. Овера. Курсъ ваннъ въ Тейпліцѣ, всегда ему помогавшій, и этотъ разъ оказалъ на его здоровье благотворное дѣйствіе. Улучшеніе, какъ будто, еще болѣе укрѣпилось осенью въ нашемъ Тосканскомъ имѣніи, Гальчето, и онъ, когда переѣхалъ на зиму во Флоренцію, былъ замѣчательно свѣжъ, бодръ и дѣятеленъ. Наканунѣ новаго 1865 года (разумѣется Русскаго) былъ у насъ многочисленный вечеръ; танцевали, и графъ произвелъ на всѣхъ прекрасное впечатлѣніе. Никто вѣрить не хотѣлъ, что ему подѣ восемьдесятъ. Многія изъ Итальянскихъ дамъ обступили его и принялись съ нимъ кокетничать, къ сожалѣнію, черезъ переводчика, такъ какъ онъ ни на какомъ иностранномъ языкѣ не говорилъ. Это, впрочемъ, нисколько не мѣшало разговору быть оживленнымъ, а веселію старика искреннимъ. Въ началѣ 1865 года, мы все успокоились на счетъ здоровья графа. Я только боялся, что измѣненіе среды, къ которой онъ привыкъ въ Москвѣ, дурно на него подѣйствуетъ. Въ началѣ Декабря 1864 г. извѣстіе о смерти въ Москвѣ А. П. Овера его поразило и опечалило. Онъ даже заболѣлъ, но довольно скоро поправился. Жизнь во Флоренціи ему положительно понравилась, и онъ въ короткое время, если можно такъ выразиться, совершенно акклиматизировался. Графъ часто мнѣ повторять, что главное въ жизни всякаго человѣка, это умѣніе распредѣлить свое время, а для служащаго, особенно на высшихъ ступеняхъ, это коренная необходимость: только тогда все можно успѣть сдѣлать толково и безъ утомленія. И во Флоренціи онъ методично распредѣлялъ свое время между занятіями, прогулками, пріемами и поѣздками. Тогда во Флоренціи проводило зиму семейство Аладиныхъ. Три молодыхъ барышни этого семейства, а также моя младшая сестра, сговорились поочередно дежурить при графѣ въ качествѣ его адъютантовъ, въ память тѣхъ четырехъ, которые при немъ состояли, когда онъ занималъ должность Московскаго генераль-губернатора. Онѣ исполняли свои обязанности аккуратно, и это очень тѣшило старика, а также и развлекало его. Онъ очень полюбилъ своего внука, которому тогда было

два года; но тутъ мнѣ приходилось часто вмѣшиваться, за что на меня графъ серьезно сердился. Странно было выслушивать его упреки въ строгости, когда нельзя было не принимать мѣръ съ ребенкомъ, только что оправившимся отъ серьезной болѣзни и бывшимъ изъ рукъ вонъ капризнымъ. Графъ все же заспживался въ дѣтской. Это была его слабость. Еще онъ увлекался прогулками въ мягкомъ, Флорентинскомъ климатѣ, и часто установленный порядокъ дня нарушался, въ чемъ онъ, добродушно смѣясь, сознавался самъ. Предположено было, что я, исправлявшій должность его секретаря, буду писать, подъ его диктовку, его воспоминанія; но это было отложено до весны, когда мы переѣдемъ въ Гальчето. Графъ призналъ, что во Флоренціи нѣтъ времени, чтобы постоянно заниматься такимъ дѣломъ, какъ слѣдуетъ. Безусловно, ему жилось хорошо и занятно. Казалось, ему предстояли еще долгіе годы сравнительно счастливой жизни; но 11 Января 1865 г. онъ умеръ, стоя, посреди веселаго разговора съ обожаемой имъ дочерью. Падая, голова его опустилась на ея колѣни.

Вполнѣ сознаю всю неполноту этого біографическаго очерка, да таковаго я и не имѣлъ въ виду: Мнѣ только хотѣлось выяснить вполнѣ правдиво личность и характеръ очень хорошаго Русскаго человека. Какъ бы ни оцѣнивалась его дѣятельность, но могу смѣло передъ Богомъ и людьми сказать, что графъ А. А. Закревскій всѣмъ сердцемъ любилъ свое отечество и всегда, на сколько могъ и умѣлъ, старался быть ему полезнымъ.

Князь Дмитрій Друцкой-Соколинскій.

22 Февраля 1901 г.
с. Знаменское.

Мірская молва.—
Морская молва.

Графъ Закревскій—сынъ небогатаго помѣщика Зубцовскаго уѣзда, Тверской губерніи. Бабка его по матери (урожд. Лутковской) была княжна Солнцева, т. е. происходила отъ Рюрика; но свизей у него не было, и вышелъ онъ, что называется, „въ люди“ своимъ трудомъ и своею военною службою, получивъ боевую опытность еще подъ Аустерлицомъ. Въ 1811 году на его рукахъ умеръ въ Одессѣ главнокомандовавшій нашею Дунайскою арміею, графъ Каменскій. Закревскій отвозилъ его бумаги въ Петербургъ, и тутъ узналъ его лично Государь. Память свою о графѣ Каменскомъ Закревскій выразилъ постановкою ему памятника въ имѣніи своей супруги, селѣ Ивановскомъ, подъ Подольскомъ. Любопытно, что когда это имѣніе пріобрѣла графиня С. В. Келлеръ, то въ купчей крѣпости было ею принято обязательство беречь камень съ именемъ графа Каменскаго и при продажѣ въ другія руки обязать къ тому новаго владѣльца *).

*) Село Ивановское нынѣ поступило въ собственность Бахрушина. Оговорено ли это въ новой купчей крѣпости?

суроваго съ виду графа Закревскаго уже знакомы читателямъ „Русскаго Архива“ по письмамъ А. Я. Булгакова къ его брату; но тутъ уже какая-то нѣжность признательности къ благодѣтелю.

Графъ А. А. Закревскій правилъ Москвою въ теченіе одиннадцати лѣтъ, облеченный властію безпримѣрною: у него были такъ называемые *бланки*, т. е. листы съ своеручною подписью императора Николая Павловича, на которыхъ могъ онъ написать какое бы ни счелъ нужнымъ распоряженіе. Самому государю угодно было облечь его такимъ небывалымъ полномочіемъ. Вѣроятно, такіе же бланки имѣлъ и Паскевичъ въ Варшавѣ (гдѣ они были, конечно, нужнѣе, нежели въ Москвѣ): если Николай Павловичъ кому вѣрилъ, то вѣрилъ вполнѣ. Такова была цѣльность его природы; этою же цѣльностью одаренъ былъ и графъ Закревскій. Въ Москвѣ, когда Государь пріѣзжалъ къ нему на торжественныя вечернія засѣданія, онъ встрѣчалъ его у входа въ залы и провожалъ только до того же мѣста, и Государь былъ доволенъ этимъ соблюденіемъ достоинства Москвы. Въ Августѣ мѣсяцѣ 1851 года, когда Николай Павловичъ пріѣхалъ въ Москву поздно вечеромъ (съ первымъ *запоздавшимъ* поѣздомъ желѣзной дороги) и сталъ говорить графу Закревскому, что на другой день онъ не намѣренъ выходить къ народу съ Краснаго крыльца, тотъ ему прямо заявилъ, что это невозможно, такъ какъ съ ранняго утра весь Кремль будетъ занятъ сплошною толпою Москвичей. Черезъ пять лѣтъ, по окончаніи торжествъ царскаго вѣнчанія, новый Государь благодарилъ графа Закревскаго за полный порядокъ, въ которомъ эти торжества совершились: тотъ отвѣчалъ, что не можетъ отнести къ себѣ лично эту благодарность, ибо никакая полиція въ мірѣ не устранила бы беспорядковъ, если бы населеніе Москвы не было благочестиво и благонаравно. Въ это время Москва уже не находилась въ подозрѣніи, которое внушаемо было въ послѣдніе годы Николаевскаго царствованія нашептываніями изъ Австріи и питаемо Третьимъ Отдѣленіемъ, гдѣ еще со временъ графа Бенкендорфа свили себѣ гнѣздо Поляки (самъ Л. В. Дубельтъ былъ родомъ Полякъ, сынъ Испанки). К. С. Аксаковъ уже могъ обратиться къ воспитаннику Жуковскаго съ искреннимъ посланіемъ, а Хомяковъ воспѣлъ его вѣнчаніе на царство прекрасными, благороднѣйшими стихами. Мы увѣрены, что графъ Закревскій способенъ былъ оцѣнить нравственную высоту такихъ людей, хотя и долженъ былъ въ предыдущее царствованіе доносить о томъ, какъ они проводятъ время, и получать списки лицъ, съ которыми они выдаются. Т. Н. Грановскому, наканунѣ его кончины, онъ объявилъ, что, по его распоряженію, высланы изъ Москвы лица, которыя навѣрняка его обыгрывали въ Купеческомъ клубѣ, а вскорѣ послѣ погребенія Грановскаго графъ Закревскій счелъ своимъ долгомъ почтительно навѣстить его вдову.

Прибавимъ личное воспоминаніе. Апрель 1854 года провелъ и въ Петербургѣ, куда ѣздилъ навѣстить бывшихъ моихъ учениковъ Ивана и Дмитрія Егоровичей Шевичей, внуковъ графа Д. Н. Блудова, въ домъ котораго и останавливался. Вскорѣ по возвращеніи моемъ въ Москву, прибылъ въ един-

ственную тогда мою комнату полицейскій чиновникъ съ приказаніемъ отъ генерала-губернатора явиться къ нему. Меня ввели черезъ рядъ покоевъ въ кабинетъ грознаго Московскаго владыки. „А я думалъ, что вы свѣтскій человѣкъ, сродни Ипату Бартеневу, началъ графъ Закревскій: у васъ же всего одна комната, и та завалена книгами. Садитесь, садитесь и пожалуйста не беспокойтесь; мнѣ изъ Петербурга прислана вотъ бумага, и вы должны отвѣчать на вопросы, въ ней написанные“. Графъ подалъ мнѣ бумагу, въ которой стояло три вопроса: 1) Зачѣмъ ѣздилъ я въ Петербургъ, 2) Чтò я думаю о Хомяковѣ и Славянофилахъ, и 3) Зачѣмъ возилъ я съ собою и читалъ въ слухъ Хомяковскіе стихи (это было стихотвореніе „Россіи“ съ знаменитымъ стихомъ „и всякой мерзости полна“, дозволенное къ печати лишь черезъ нѣсколько лѣтъ). Мнѣ легко было написать отвѣты мои, и затѣмъ графъ сталъ меня разспрашивать о моихъ занятіяхъ и откуда я родомъ. Когда я упомянулъ, что отецъ мой служилъ въ 1812 году подполковникомъ Армазскаго конноегерскаго полка, графъ началъ говорить объ этомъ полку и какъ-то назвалъ имя графа Н. М. Каменскаго. Графъ совсѣмъ просіялъ; а я воспользовался случаемъ спросить, справедливъ ли слухъ о томъ, что этотъ великій нашъ полководецъ былъ отравленъ Французскимъ консуломъ. Графъ отвѣчалъ, что дѣйствительно болѣзнь графа Каменскаго началась послѣ выпитаго имъ на вечерѣ у Французскаго консула стакана чаю. Въ разговорѣ о графѣ Каменскомъ и о 1812 годѣ прошло добрыхъ минутъ двадцать, такъ что когда я уходилъ домой, вполнѣ успокоенный и обласканный, лица находившіяся въ пріемной генералъ-губернаторскаго дома посматривали на меня съ недоумѣніемъ. Вѣроятно, имъ показалось, что я важный человѣкъ, коль скоро оставался на допросѣ такъ долго. Впослѣдствіи пріятель мои шутили надо мною, говоря, что позванъ я былъ къ допросу, а вмѣсто того самъ допрашивалъ.

Графъ Закревскій былъ коренной Русскій человѣкъ. Онъ ознаменовалъ свое пребываніе въ Москвѣ постоянною заботою о денежизнѣ общаго продовольствія жителей (каковою обезпечивается спокойствіе) и устройствомъ обширной и образцовой Измайловской богадѣльни, для престарѣлыхъ вѣнцовъ. Самъ онъ закалился участіемъ въ великихъ бояхъ. Онъ ввелъ въ обычай праздновать особымъ инвалиднымъ концертомъ день 19-го Марта, т. е. день взятія Парижа 1814 года. Тяжело ему было, когда безпамятливые наши дипломаты допустили подписаніе Парижскаго мира 1856 года именно въ этотъ день. Вмѣстѣ съ пріятелемъ своимъ и младшимъ сослуживцемъ, П. Я. Чадаевымъ, горевалъ онъ о томъ. П. Б.